

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВОФОРМ ОТ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НОРМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В.ШУКШИНА

Маматов Расулжон Сабирджанович

старший преподаватель кафедры
узбекского языка и литературы

Андижанского машиностроительного института

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7924895>

Аннотация: В данной статье рассматриваются морфологические изменения словоформ от художественных норм в произведениях В. Шукшина.

Ключевые слова: сборник, морфологический диалектизм, морфология, литературный язык, существительный, прилагательный, глагол, наречие, грамматических категорий слов.

«Беседы при ясной луне» – объект нашего исследования – последний сборник В. Шукшина. В нем писатель воспроизводит «живую разговорную речь с присущей ей экспрессией, образностью, естественностью, живой поток народной жизни» [1]. В. Шукшин не выискивал «народные слова», поскольку сам был «вскормлен народной речью и принес её в свои книги» [2]. От слов и речевых оборотов писателя «веет светлой грустью, они, обласканные временем, совершенны и точны» [3].

В исследуемом материале мы остановимся на отклонениях в области морфологии, а именно: на именах существительных, их различных формах.

«Слова, отличные своими грамматическими формами от слов литературного языка, называются морфологическими диалектизмами» [4]. Они относятся к различным частям речи: именам существительным, прилагательным, глаголу, наречию и т.д. В основном же диалектические различия в области морфологии «касаются не существа грамматических категорий и типов изменения слов, а звукового оформления той или иной категории» [5].

Морфологические отклонения словоформ имен существительных от литературной нормы можно разделить на два типа:

- а) особенности словоизменения (сюда относятся изменения окончаний, а также изменения, связанные с грамматическими категориями рода, числа, падежа и т.п.);
- б) особенности словообразования. Обратимся к рассказам В.Шукшина.

Согласно принятым литературным нормам все имена существительные склоняются по строго определенным типам склонения. В речи персонажей рассказов «Беседы при ясной луне», наряду со случаями правильного употребления форм, мы встречаем грамматические формы, отличающиеся от соответствующих литературных форм в пределах того или иного типа склонения имен существительных. Встречаются также случаи использования отдельных существительных не в том грамматическом роде, в каком принято их использовать в литературном языке. Эти отклонения от норм литературного языка встречаются в рассказах В. Шукшина неоднократно и используются писателем в качестве одного из средств речевой характеристики персонажей, в основном представителей старшего поколения.

В склонении существительных женского рода, оканчивающихся на мягкий согласный и шипящий, распространены в говорах формы дательного и предложного падежей с окончанием -е (лит. -и) и форма творительного падежа с окончанием -ей (лит. -ю [-йу]). С этим явлением мы сталкиваемся в исследуемом материале. Так, например, встречаются следующие форма имен существительных: в крове (лит. крови), этой ночий (лит. этой ночью), у отца с матерей (лит. с матерью): «Голова в крове, все позасохло»; Доченька, видела я этой ночий худой сон»; «Мы тоже када-то росли у отца с матерей».

Данные формы возникли, по мнению историков языка, под влиянием слов женского рода на а. Как известно, в литературном языке существительные мужского рода в родительном падеже единственного числа имеют окончание -а. Обращаясь к фактическому материалу, мы наблюдаем иное окончание – -у: закону (лит. закона), до дому (лит. до дома), из дому (лит. из дома): «Нынче нет такого закону»; «Да закону-то нет.....»; «Счас я доеду до дому»; «Да мало ли красивых – все бы бежали из дому».

Это объясняется тем, что в говорах флексия -у слабо дифференцирована. Если в литературном языке родительный падеж на -у – выразитель количественно-выделительного значения, то в говорах эта же форма распространена и в других значениях. В данном случае мы наблюдаем употребление родительного падежа на -у в местном и определительном значениях. Эта флексия возникла еще в древнерусском языке под влиянием основы на -и в склонении существительных типа сын, дом (др.-рус. сынъ, домъ).

Флексия -у характерна также для предложного падежа существительных мужского рода временного значения. Однако, наряду с флексией -у, может употребляться старая флексия, «явление первичного порядка» - е [6].

Это явление наблюдается в исследуемом материале: в двадцать втором годе (лит. в двадцать втором (девятом) году):

☐ «Да вас же на волосок только не раскулачили в двадцать девятом годе»;

☐ «Ведь нам в двадцать втором годе землю-то всем дали».

Встречаются также отдельные отклонения, имеющие непосредственное отношение к категории рода имен существительных. В частности, существительные среднего рода животное, оружие употребляются в речи персонажей как существительные женского рода и склоняются по первому типу склонения на -а: животная (лит. животное), оружия (лит. оружие): Любая животная любит ласку, а человек – тем боле.»; «Дали ему оружию, и он пошел.»; «И оружию свою убери».

Переход существительных среднего рода в разряд существительных женского рода присущ в основном южнорусским говорам.

В литературном языке существительное сельпо относится к категории несклоняемых существительных. Обращаясь к фактическому материалу рассказа В.Шукшина, мы наблюдаем изменяемость данного существительного по падежам: в сельпе (лит. в сельпо): «Я с войны пришел, она тут продавцом в сельпе работала»; «Где работает что ли? Там же, в сельпе».

В рассказах В.Шукшина мы встречаемся с иными формами существительного церковь (лит.):

☐ церква, церкву, церквы: «Не совестно было? В церкву-то поперся»; «Ты знаешь Талицкую церкву?»;

☒ «Церквы-то позакрывали, матершинничаем, блудим».

Появление форм связано с влиянием на них существительных женского рода на -а.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля слово церква регистрируется как «здание, в котором происходит богослужение» и дается с пометой «областное» [7]. С такой пометой оно дается в 17-томном словаре современного литературного языка. В словарях Д.Н.Ушакова, С.И.Ожегова, А.П.Евгеньевой данное слово не фиксируется. Эти факты дают нам право считать, что слово церква распространено в диалектах.

Как известно, в литературном языке существительные среднего рода в родительном падеже множественного числа имеют окончание -ей (-ий) или нулевую флексию в зависимости от качества конечного согласного основы.

В исследуемом материале не наблюдается такой дифференциации и представлено одно окончание – -ов (-ев): условиев (лит. условий), делов (лит. дел), силов (лит. сил), убеждений (лит. убеждений), взбудителей (лит. возбудителей): «Не было у меня условиев, я и не рожала»; «Живут рядом, никаких условиев нету...»; «Только и делов-то директору – с вами разговаривать»;

«Главное, не так уж много там делов-то...»; «Таких взбудителей-то знаешь, куда девают»; «Где же мне набраться таких убеждений?»; «Чижало, кум, – силов нету».

В диалектах окончание -ов (-ев) превращается в универсальное окончание существительных не только среднего, но и мужского и женского родов.

В творительном падеже множественного числа существительные третьего склонения в литературном языке имеют окончание -ми после мягкого согласного (древнее окончание здесь было -ьми). Мы наблюдаем в исследуемом материале окончание -ами: с людьми (лит. людьми): «Однако прислушайся к моему совету: будь покруче с людьми». Окончание -ами – диалектная особенность. Данная флексия восходит к флексиям старых основ на -а / -ја.

Наблюдаются также некоторые диалектные отклонения в образовании форм множественного числа: креслы (лит. кресла), танции (лит. танцы), цыпляты (лит. цыплята). Данные формы есть также следствие влияния существительных женского рода на -а: «А кабинет! Ну ё-моё, наверно, у министров такие: кругом мягкие креслы»; «Я вон счас приоденусь да на танции завьюсь»; «А в сите у тебя цыпляты».

Форма танции возникла, очевидно, по аналогии (ср. станции, квитанции). В области словообразования существительных также наблюдаются определенные особенности.

В рассказах В.Шукшина встречаются диалектные формы имен собственных: Егорша, Митьша, Васятка, Верунька: «Чего уж так хлещесся-то, Митьша?»; «Так, Егорша, ложись-ка, сосни час-другой, а там и Верунька проснется.»; «Все в порядке, Васятка».

Уменьшительно-ласкательные формы имен собственных Митьша, Егорша широко распространены в сибирских говорах.

С помощью суффиксов -к-, -ельник- образованы существительные курка, братка, брательник, заметно отличающиеся от соответствующих образований литературного языка: «А может курку зарубим?»; «И поист не поем, а курку решим»; «Да бог уж с ей, с куркой»; «Давай, братка, выпьем»; «Есть у меня там брательник».

В словарях В.И.Даля, Д.Н.Ушакова, А.П.Евгеньевой, С.И.Ожегова данные формы не регистрируются. Следовательно, сфера их употребления ограничена.

Существительное скотинёнка (лит. скотинушка) образовано с помощью суффикса -ёшк- со значением уменьшительности, ласкательности.

Таковы морфологические отклонения в области словоизменения и словообразования существительных, выявленные в рассказах В.М. Шукшина.

Список литературы:

1. Плужникова С. Характер и слово. //Литературная Россия,1976. – С. 2.
2. Корнешов Л. Между прошлым и настоящим. // «... правда», 1976. – С. 2 .См.: там же, стр.
2. Прохорова В. Н. Диалектизмы в языке художественной литературы. – М., 1957. – С.
3. Иванов В. В. Русские народные говоры. – М., 1957. – С. 17.
4. Мещерский Н.А. Русская диалектология. – М., 1972. – С. 133.
5. В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.IV. – М., 1955. – С.573.